

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ/ONTOLOGY AND GNOSEOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.146.74>

ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ СВОБОДЫ В СТРУКТУРЕ ОНТОЛОГИИ

Научная статья

Думаревский Д.Б.^{1,*}

¹ Волжский государственный университет водного транспорта, Нижний Новгород, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (kupezz[at]inbox.ru)

Аннотация

Богословские положения христианской Церкви непосредственно связаны с вопросами философской онтологии. В 4-ом веке нашей эры христианскими мыслителями было выработано фундаментальное теоретическое положение, согласно которому понятия сущности (природы) и ипостаси (личности) радикально различаются. С указанным теоретико-методологическим подходом напрямую связан богословский принцип «монархии Отца», специфичный для православной догматики.

Для монистической философии, напротив, характерны сущностные определения, которые выражают порядок природной заданности бытия. Категория сущности отражает, в конечном счете, каузальный порядок бытия, порядок необходимости.

Для разработки категории свободы определяющее значение имеет теоретико-мировоззренческое единение богословия и философии.

Ключевые слова: свобода в абсолютном смысле, сущность, личность, процесс развития, субстанция, триадология.

SIGNIFICANCE OF THE CONCEPT OF FREEDOM IN THE STRUCTURE OF ONTOLOGY

Research article

Dumarevskii D.B.^{1,*}

¹ Volga State University of Water Transport, Nizhny Novgorod, Russian Federation

* Corresponding author (kupezz[at]inbox.ru)

Abstract

The theological positions of the Christian Church are directly related to questions of philosophical ontology. In the 4th century A.D. Christian scholars developed a fundamental theoretical position according to which the concepts of essence (nature) and hypostasis (person) are radically different. The theological principle of the "monarchy of the Father", specific to Orthodox dogmatics, is directly related to this theoretical and methodological approach.

Monistic philosophy, on the contrary, is characterized by essence definitions, which express the order of the natural predetermination of being. The category of essence ultimately reflects the causal order of being, the order of necessity.

For the development of the category of freedom, the theoretical and ideological unity of theology and philosophy is of decisive importance.

Keywords: freedom in the absolute sense, essence, personality, process of development, substance, triadology.

Введение

Задача представленной статьи состоит в определении возможности построения философской онтологии, содержащей понятие свободы в её полноте и совершенстве. Иными словами, мы стремимся дать определение свободы в предельном – категорическом – виде. Представляется, что решение вышеназванной задачи невозможно без прояснения отношения богословия и философии. Православное догматическое богословие отличается от римско-католического положением о монархии (единовластии) Отца. Понятие свободы напрямую связано с православным принципом монархии Отца, на что указывается в исследовании С.А. Чурсанова, посвященном достижениям православного богословия 20-го века [1, С. 138]. Единовластие Отца, «предвечно рождающего Сына и изводящего Духа Святого», означает верность Преданию и соответствует требованиям монотеизма: «един Бог, потому что един Отец». Наиболее доступная формулировка указанного принципа содержится в православном Символе веры. В богословском принципе монархии Отца резюмируются православное представление о внутритроических отношениях – отношениях Божественных Лиц. Кроме того, в догматическом богословии православной Церкви единая ипостась Бога-Отца понимается как источник Божественной жизни.

Основное содержание

В богословии Восточной Церкви сформулированы фундаментальные принципы, начало разработки которых относится к 4-му веку: Отцами «каппадокийского кружка» было проведено различение понятий *сущности* и *ипостаси*. Понятие ипостаси наполнялось, соответственно, личностным содержанием [2, С. 68]. Указанное различие, доведенное до совершенного состояния, до *противопоставления* понятий сущность и ипостась выступает в христианской философии в качестве общего – методологического – принципа.

В указанной «логике Отцов» началом (aitia) выступает именно ипостась, а не природа. По сравнению с эллинской философией вышеназванный подход следует считать подлинным прорывом, философской новацией. В концентрированном виде эти теоретические достижения выражены современным греческим философом

Хр.Яннарасом: «В конечном счете **различие** (выделено нами – Д.Д.) проводится между *способом бытия*, то есть личностью как абсолютной инаковостью, и интеллектуальным схватыванием сущности, то есть сущего как общего, как общности предметных признаков» [3, С. 102].

При построении христианской философии, основой которой является догматическое богословие, в 4-ом веке был совершен радикальный идейный поворот: Отцами Восточной Церкви были сформулированы начала новой философской онтологии, в которой утверждается первенство личностного начала бытия, его превосходство над природным. В целом, триадология Восточной Церкви посвящена обоснованию положения, согласно которому единосущие Бога состоят не в безличном основании и, конечно, не в природном «физисе», но в общении Божественных Лиц. В богословии Василия Великого единосущие Бога означает именно общение Трех Лиц, но не единство по природе: «Единство Бога состоит в общении Божества» [4, С. 134].

Понятие сущности в трудах Аристотеля стала определенным итогом разработки Идеи природы, которой занималась вся предшествующая ему античная философская мысль. Идея природы равнозначна идее единства бытия и именно поэтому неслучайно то, что историческим завершением древнегреческой философии явился неоплатонизм, возвысивший понятие Единого до абсолютного статуса.

Разделяя «первые» и «вторые» сущности Аристотель ввел представление о категориях – формах сказывания о природе вещей. Таким образом были заложены основы рефлексивного понимания сущности, в котором главным положением выступает соотношение её собственных форм.

Сущность, наряду с другими категориями, можно охарактеризовать как средство, инструмент сказывания о природе реально существующего предмета. Создавая свое учение о категориях Стагирит характеризует их как *предметные* формы мысли. Стагирит сформулировал проблему соотношения «первых» и «вторых» сущностей. Решением указанной проблемы стало учение о внутренне соотносительных понятиях - о **категориях**.

В схоластике сущность предстает в «статусе» субстанции. Схоластическая традиция воспринята Гегелем, который доводит схоластическую «линию» до предела, до определения субстанции как субъекта. Субстанция как субъект содержит негативность по отношению к бытию. И именно эта негативность – отрицательность понятия – и есть, по Гегелю, признак свободы: «Единство субстанции есть её отношение необходимости; но последняя есть, таким образом, лишь *внутренняя необходимость*; полагая себя через момент *абсолютной отрицательности*, она становится проявившимся или положенным тождеством и тем самым свободой, которая есть тождество понятия. ...В *понятии* открылось поэтому царство свободы» [5, С. 10-11]. Немецкий классик описывает субстанцию в процессе становления, рассматривает генезис её понятия. Это рефлектирующее движение понимается Гегелем как проявление, осуществление свободы.

В «Науке Логике» Гегель показал, что сущность предстает в качестве процесса *развития*, в генезисе её собственных форм. Развитие понятия совершается как последовательное раскрытие, разворачивание форм сущности. Эти формы, называемые ещё определениями рефлексии, выстраиваются следующим образом: начинаются с формы *тождества*, переходят к форме *разности*, далее через формы *противоположности* и *противоречия* – к завершающей форме *основания*. За всеми формами сущности «стоит» противоречие, которое обладает развивающим действием.

Классический этап в развитии европейской философии связан с выдвиганием понятия сущности в фокус исследовательского интереса. В рамках немецкой классической философии, конкретно – у Гегеля в «Науке Логике», понятие сущности занимает центральное место. Здесь категория сущности отражает процесс *опосредования* – перехода от непосредственности бытия через сущность к понятию. Кроме того, Гегелем было представлено понимание сущности в *динамическом* аспекте: «Сущность есть то, что она есть через собственное бесконечное движение бытия».

Проблематика сущности диалектически рассматривалась Афанасием Александрийским еще в 4-м веке. Святитель Афанасий выдвинул идею о том, что сущность представляет собой **отношение** [4, С. 80]. На новом уровне – на уровне современных теоретических представлений – эта глубоко диалектическая идея была воспроизведена в дискуссии 80-х годов прошлого века [6, С. 303]. Здесь убедительно было показано, что действительность мыслима именно как целостная реальность, которая:

- во-первых, задается субъект-объектным отношением;
- во-вторых, не исчерпывается только лишь причинно-следственным рядом.

Здесь мы видим недостаточность субстанциалистского типа онтологии: в систему причинно-следственных связей, в структуру необходимости не вписывается свободная воля человека, которая неразрывна с внутренним исканием, с собственно духовностью.

Понятие свободы содержательно сводится, редуцируется к случайности в философских исследованиях, базирующихся на логике субстанциализма. В частности, В.П.Соколов, разрабатывая диалектику отношения случайности и необходимости ещё в 50-х годах прошлого века, представил и собственное толкование свободы: «Силою своего собственного движения в формах случайности необходимость достигает высшей своей ступени – свободы» [7, С. 120]. Таким образом, свобода в субстанциалистской парадигме редуцируется к *случайности*, к вероятностному порядку бытия.

Заключение

В представленной статье нами решалась двуединая задача: содержание понятия свободы выявлялось одновременно с построением определенной онтологической «конструкции». Предложенные рассуждения резюмируются общим выводом: в субстанциалистской парадигме понятие свободы означает лишь производную от необходимости, иначе – категория свободы содержательно сводится к причинно-следственному порядку, к форме каузальности. Напротив, свобода в её предельном значении, сводится не к какому-либо бытию, или его качеству, но к самой возможности быть, в стремлении к бытию. Категория свободы, т.е. свобода в абсолютном смысле, мыслима не как форма, либо вид бытия, но исключительно как его (бытия) предпосылка [8, С. 22].

В православном толковании свободы важнейшими чертами выступают её полнота и совершенство. Высшее совершенство свободы заключается в обращенности личности к абсолютной личности, в общении духовно свободного существа с Богом-Творцом, в онтологически укорененном диалоге [9, С. 40].

Высшей ценностью жизни человека с позиций православной антропологии является достижение свободы, которая, в свою очередь, понимается как обретение личностного – ипостасного – начала, что отражено в православной аскетической литературе 20-го века [10, С. 22]. Процесс обретения личностного начала возможен лишь на путях деятельного совершенствования человека, на путях Богообщения.

Ответ на вопрос о свободе, поставленный в начале статьи, подразумевает следующее: подлинная свобода раскрывается, прежде всего, как комплекс живых отношений Бога-Отца, Бога-Сына и Святого Духа, как истина живого и воплощенного Бога, данная через Откровение.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Комлев А.Е., Саратовская государственная юридическая академия, Саратов Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.146.74.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Komlev A.E., Saratov state law Academy, Saratov Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.146.74.1>

Список литературы / References

1. Чурсанов С.А. Лицом к лицу. Понятие личности в православном богословии XX века / С.А. Чурсанов. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. — 264 с.
2. Иларион (Алфеев), митрополит. Таинство веры. Введение в православное богословие / Митрополит Иларион (Алфеев). — М.: Эксмо, 2010. — 400 с.
3. Яннарас Х. Избранное, Личность и Эрос / Хр.Яннарас. — М.: РОССПЭН, 2003. — 480 с.
4. Зизиулас И. Бытие как общение. Очерки о личности и Церкви / И. Зизиулас. — М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2006. — 280 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Наука Логики. Т.2 Субъективная логика или учение о понятии / Г.В.Ф. Гегель. — М.: Соцэкгиз, 1939.
6. Лосев А.Ф. Некоторые терминологические уточнения в области законов диалектики / А.Ф. Лосев // Диалектика отрицания отрицания. — М.: Политиздат, 1983. — 342 с.
7. Соколов В.П. Случайность и необходимость / В.П. Соколов // Труды Горьковского сельскохозяйственного института. — Горький, 1958. — Т. 10. — 184 с.
8. Зизиулас И. Общение и инаковость. Новые очерки о личности и Церкви / И. Зизиулас. — М.: Издательство ББИ, 2012. — 407 с.
9. Завершинский Г. Богословие диалога. Тринитарный подход / Г. Завершинский. — М.: Изд-во Московской Патриархии РПЦ, 2017. — 336 с.
10. Захария(Захару), архим. Христос как путь нашей жизни / Захария(Захару), архим. — Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, 2003. — 408 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Chursanov S.A. Licom k licu. Ponjatje lichnosti v pravoslavnom bogoslovii XX veka [Face to face. The concept of personality in Orthodox theology of the 20th century] / S.A. Chursanov. — M.: PSTGU Publishing House, 2011. — 264 p. [in Russian]
2. Hilarion (Alfeev), Metropolitan. Tainstvo very. Vvedenie v pravoslavnoe bogoslovie [The Sacrament of Faith. Introduction to Orthodox theology] / Metropolitan Hilarion (Alfeev). — M.: Jeksmo, 2010. — 400 p. [in Russian]
3. Jannaras H. Izbrannoe, Lichnost' i Jeros [Favorites, Personality and Eros] / Hr.Jannaras. — M.: ROSSPEN, 2003. — 480 p. [in Russian]
4. Ziziulas I. Bytie kak obshhenie. Ocherki o lichnosti i Cerkvi [Being as communication. Essays on personality and the Church] / I. Ziziulas. — M.: St. Philaret Orthodox Christian Institute, 2006. — 280 p. [in Russian]
5. Gegel' G.V.F. Nauka Logiki. T.2 Sub'ektivnaja logika ili uchenie o ponjatii [Science of Logic. Vol.2 Subjective logic or the doctrine of the concept] / G.V.F. Gegel'. — M.: Socjkgiz, 1939. [in Russian]
6. Losev A.F. Nekotorye terminologicheskie utochnenija v oblasti zakonov dialektiki [Some terminological clarifications in the field of laws of dialectics] / A.F. Losev // Dialektika otricanija otricanija [The dialectic of negation of negation]. — M.: Politizdat, 1983. — 342 p. [in Russian]
7. Sokolov V.P. Sluchajnost' i neobhodimost' [Chance and necessity in the collection] / V.P. Sokolov // Trudy Gor'kovskogo sel'skohozjajstvennogo instituta [Proceedings of the Gorky Agricultural Institute]. — Gor'kij, 1958. — Vol. 10. — 184 p. [in Russian]
8. Ziziulas I. Obshhenie i inakovost'. Novye ocherki o lichnosti i Cerkvi [Communication and otherness. New essays on personality and the Church] / I. Ziziulas. — M.: BBI Publishing House, 2012. — 407 p. [in Russian]
9. Zavershinskij G. Bogoslovie dialoga. Trinitarnyj podhod [Theology of Dialogue. Trinitarian approach] / G. Zavershinskij. — M.: Publishing House of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church, 2017. — 336 p. [in Russian]

10. Zechariah (Zakhar), archimandrite. Hristos kak put' nashej zhizni [Christ as the path of our life] / Zechariah (Zakhar), archimandrite. — SSt. John the Baptist Monastery, 2003. — 408 p. [in Russian]